

Василий ВОРОН

Приют пилигрима

16+

Василий Ворон

Приют пилигрима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51887986

SelfPub; 2023

Аннотация

«Приют пилигрима» – название пансионата, расположенного поблизости от православного мужского монастыря. Пути трех героев повести, монаха-звонаря, фотохудожника и успешного молодого писателя сходятся вместе. Каждому из них предстоит осознать собственный жизненный путь, найти его смысл. Помогает этому странный человек, появляющийся в отеле. Повесть была опубликована в сокращенном виде в журнале "Юность".

Содержание

Пролог	5
Глава первая: Яков	13
Глава вторая: Роман	28
Глава третья: Николай	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Василий Ворон

Приют пилигрима

Сотни раз улетали и заблуждались до сих пор дух и добродетель.

*Ах, в вашем теле и теперь ещё живёт
весь этот обман и заблуждение: плотью и волею сделались они.*

Сотни раз делали попытку и заблуждались до сих пор как дух, так и добродетель.

Да, попыткою был человек.

*Ах, много невежества и заблуждений
сделались в нас плотью!*

*...Но, подобно клыку вепря, должно моё слово бороздить
основу вашей души;*

плугом хочу я называться для вас.

*Всё сокровенное вашей основы должно выйти на свет;
и когда вы будете лежать на солнце, взрытые и изломанные,*

отделится ваша ложь от вашей истины.

Фридрих Ницше

Пролог

письмо, найденное на подоконнике

Надо просто подождать. Когда-нибудь это закончится. Потом, правда, всё начнётся заново, но – вдруг? – немного по-другому, не так, как сейчас? Хоть чуточку, но – легче, милосерднее, не так жестоко, как теперь? И дышать станет немного проще, не с этим ощущением, что вот-вот – и разрыдаешься. И солнце будет светить не так равнодушно, и птицы запоют для тебя, просто так, потому что им, вот, хорошо, так пусть и тебе, мол, станет так же здорово. Почему нет? И простое слово «нет» перестанет быть таким жестоким и жутким, после которого не захочется жить. И все вокруг тебя вдруг перестанут врать – себе и друг другу, и не будут больше притворяться, делая вид, что они рады тебя видеть, и, говоря «да», будут иметь в виду именно «да» и ничто другое, и даже без этих дурацких кавычек.

Вдруг так будет, когда закончится ЭТО? Я надеюсь, и поэтому у меня, наверное, есть силы ждать, когда это произойдёт. Ведь мне немного проще ждать, чем кому-то в похожей ситуации. Ведь у меня есть мой секрет. Я, в общем-то, и не скрываю его, просто всем на него наплевать. Все считают это глупостью. Ну и пусть считают. Мне нет до этих людей никакого дела. Главное, чтобы они меня не трогали. И не прикасались к моему секрету своими грязными, жирными от чип-

сов руками, покровительственно похлопывая меня по плечу. Ведь они всё равно не замечают его. Впрочем, мне это безразлично. Теперь мне на это наплевать.

Я знаю, что не все люди такие. Среди них попадаются ЛЮДИ – без кавычек и грязных рук. Просто так вышло, что эти люди где-то далеко от меня. Или они меня не понимают. Так случается: человек хороший, но мы с ним не понимаем друг друга. Вообще-то это не беда. Главное ХОТЕТЬ понять друг друга, остальное – приложится. Но в том-то и дело, что этим людям нет до меня дела. Так же, как и мне – до них. Наверное, мы одинаково хотим, чтобы нас оставили в покое, вот и не попадаемся на глаза друг другу. Так просто. И так страшно. Если вдуматься.

То, что я называю своим секретом, мне подарила ОНА. Когда ещё мы были ВМЕСТЕ, и нам было хорошо. Почему-то так получилось, что мы оба подарили друг другу то, чего раньше ни у одного из нас не было. Нет, не так. Это было у нас обоих, просто отдельно один от другого мы этого в себе не замечали, а если и замечали, то либо принимали за нечто отличное от того, чем это было на самом деле, либо не знали, что с этим делать. Наверное, так. Не знаю точно, как это было у неё. Я даже не знаю до сих пор, что сам подарил ей. Должен был понять, но – не понял. Может, поэтому теперь мы не вместе. И вместе уже никогда не будем. НИКОГДА – очень страшное слово. И поэтому я тихо жду, когда всё ЭТО закончится и начнётся ДРУГОЕ. Я научился ждать.

Я вообще многому научился рядом с ней.

И я хожу среди людей, которым нет до меня никакого дела и делаю вид, что мне есть до них какие-то жутко важные дела, и шучу, когда мне не до шуток (мне теперь вообще не до шуток), и улыбаюсь, когда мне не смешно, и поддерживаю дурацкий разговор, не нужный ни им, ни мне. Не знаю, как бы я мог делать это всё, если бы у меня не остался этот её ПОДАРОК. Всё, что у меня осталось от неё. Если бы я мог вернуть её, отказавшись от этого подарка, я сделал бы это, не задумываясь. Но мне этого никто не предложил. ОНИ мне этого не предложили.

Сначала я очень злился на НИХ. «Очень злился» – совершенно тут не подходит. Я был в бешенстве. И хотел закончить ЭТО немедленно. Но ОНИ не позволили этому случиться. Наверное, я вообще на такое не способен. И я успокоился. И понял, что ОНИ совсем не желают мне зла. Добра, впрочем, тоже не желают. «Не желают» – тоже неподходящее слово. ОНИ вообще не желают чего-либо. ОНИ просто существуют, делая из нас то, чем мы должны быть. Как токарь относится к стальной чушке, вытачивая из неё деталь. Вот так и ОНИ. Всё очень просто. Поэтому порой мне бывает очень страшно от этого. А иногда – наоборот – спокойно. И теперь я знаю, что должен ждать. И ждать не просто, как ждут в аэропорту самолёта, а со смыслом. Даже если этот смысл непонятен тем, кто ещё не догадался, для чего мы все тут вообще торчим, в этом тесном, прокуренном зале аэро-

порта. Они даже не знают, что они находятся в аэропорту и им будет нужно отсюда улететь. Чтобы потом многие вернулись сюда опять. Об этом мало кто знает. А кто знает – молчит. Иначе его непременно примут за сумасшедшего. А ему и так не сладко с этим знанием живётся. Тому, кто вообще знает, ЧТО происходит на самом деле, с одной стороны легче, а с другой – тяжелее. Как той чушке, которая знает, что с ней собирается сделать ТОКАРЬ. ОНИ. Знаешь, а сделать с этим ничего не можешь. Всё, что можешь в этой ситуации сделать, это научиться разным вещам. Полезным. И важным. Например, самому превратиться из чушки в деталь. Это только кажется, что такое невозможно. Чушь. Чушь-Ка. Забавно, да? Не думал, что эти слова так... рядом, что ли.

Так вот. Превратиться из чушь-ки в деталь. Это возможно. Только удаётся не многим. И вначале нужно просто понять, что это возможно. С этого всё начинается. Человек редко может добраться до этого сам. Как правило, ему помогают. В этом случае с человеком что-нибудь случается. Непростое и, на первый взгляд, непонятное. И ненужное. Я, вот, встретил ЕЁ. А она – меня. Я не сразу понял, для чего это со мной случилось. А когда понял – испугался. И теперь не знаю, смогу ли сделать всё правильно. Мне кажется, я что-то упустил. Мне чего-то не хватает. Но чего? Никак не могу понять.

Раньше, до того, как я встретил её, передо мной даже не стояла такая проблема, как понимание меня окружающими.

То ли понять меня было совсем несложно, то ли мне на это понимание с чьей бы то ни было стороны, было наплевать. Не знаю. Но когда мы встретились, я вдруг почувствовал, что она тот человек, который меня понимает. Не во всём и не всегда, но, по крайней мере, хочет меня понять. И мне очень хотелось делиться с ней абсолютно всем, что происходило в моей душе. Я рассказывал ей то, что другим людям ни за что не рассказал бы. Я открывал ей как свои хорошие стороны, так и плохие, но не боялся, что это как-то оттолкнёт её от меня. И не думаю, что именно это и произошло, когда мы расстались. Мне кажется, что дело было в чём-то другом. Но в чём – тоже не могу догадаться.

Я тоже старался её понять. Старался изо всех сил. И у меня многое получалось. Жаль, что не всё.

И ещё мы допустили одну большую ошибку. Мы оба боялись. Она боялась многих вещей. А я боялся только одного – потерять её. И, в конце концов, потерял. И теперь я знаю одно правило: «Если чего-нибудь боишься, это обязательно произойдёт». Поэтому теперь я ничего не боюсь. К тому же, после того, как я потерял её, мне нечего бояться.

Когда мы ещё были вместе, я начал задумываться о том, почему люди непременно с кем-то встречаются и обязательно с кем-то расстаются. И из-за этого чувствуют себя счастливыми или горько плачут. И это всё очень сильно влияет на них. Наверное, эти встречи и расставания и есть те острые и безжалостные резцы, которыми ОНИ, словно токарь у стан-

ка, обтачивают нас.

А однажды я почувствовал, что со мной происходит что-то странное. Я долго не понимал, что это. Мне было больно, точно моя душа рвалась наружу. И как-то раз я увидел за своей спиной крылья. Настоящие большие крылья. И тогда я испугался. И просил ИХ забрать эти крылья, потому что не знал, что с ними делать. Но крылья не исчезли. Правда, видел их только я, остальные не замечали. Все, кроме неё.

Летать я не умел. И я стал размышлять, зачем мне эти крылья.

Тогда же я начал вести дневник, в котором и писал об этом – о том, что происходит со мной, и о том, что вообще происходит. Когда я впервые решил что-то записать, под рукой у меня ничего не оказалось – ни ручки, ни карандаша. Тогда я вспомнил, что когда-то давно люди писали перьями, а как раз у меня этих перьев было много. Я вытащил одно из своего крыла. На его кончике очень кстати оказалось немного крови – моей крови. И я стал этими перьями писать.

Я показал свой дневник ей, а она сказала, что это – стихи.

Так я и ходил по земле, и писал в маленький блокнот всё, что происходило с ней и со мной, используя перья из своих крыльев.

Эти крылья и были её ПОДАРКОМ.

Теперь я знаю – у многих людей (если не у каждого) есть свои крылья. Кто-то знает, что с ними нужно делать, кто-то – нет. Кто-то с их помощью летает, кто-то укрывается ими в

жаркую погоду от солнца, а кто-то набивает перьями подушку, чтобы было удобнее спать. Потому что боится использовать их по назначению. Ведь если у человека выросли крылья, значит, он оказался тем, кому эти крылья предназначались.

Птице – перья, человеку – крылья. Разве не так?

Человек вовсе не птица. Это животное, отягощённое желаниями, и чтобы ему стать **ЧЕЛОВЕКОМ**, надо меньше **ХОТЕТЬ**. Я с трудом переношу цивилизованное общество, потому что это сборище ленивых эгоистов. Мне не нравятся такие люди. Но их – большинство. Только ни в коем случае не нужно бросаться менять этих людей. Это непременно приводит к **БОЛЬШОЙ КРОВИ**. Начинать нужно с себя. А эти глупцы постоянно берутся за что-то другое – покоряют космос, природу и других людей.

Человек, стремящийся стать **ЧЕЛОВЕКОМ**, уже не животное. Это уже **ДУША, НАДЕЛЁННАЯ ИНСТРУМЕНТОМ**. Тело – вот тот инструмент, которым нас наделили **ОНИ**. Это уже потом появляются **КРЫЛЬЯ**. Но для начала этого вполне достаточно. Вот только сначала любым инструментом нужно научиться пользоваться.

Скажем, дали людям клинок. Один подумал, украсил его витиевато, смастерил ножны и красиво повесил на стену в своей хижине – чтобы соплеменники завидовали. Другой наточил хорошенько и пошёл рубить врагов – чтобы уцелевшие боялись, а свои уважали. А третий тоже наточил и отправил-

ся в далёкий путь сквозь непроходимые джунгли – туда, где можно сеять хлеб.

Тело – хороший инструмент. Надо действовать, пока он не «заржавел».

И вот теперь ещё у меня есть крылья. А крылья это не только источник перьев. С их помощью нужно летать. Я всё-таки решил попробовать. Надо будет взлететь повыше и, может быть, оттуда я увижу то, что никак нельзя рассмотреть снизу. И если у меня это получится, я обязательно об этом напишу. Перья ещё есть.

Наверное, Икар из той легенды был поэтом, а жаркое солнце тут совсем ни при чём. Просто сначала он боялся летать. А когда, наконец, решился и полетел, то в его крыльях осталось слишком мало перьев. И он упал и разбился. Нельзя повторить его ошибку. Нельзя **БОЯТЬСЯ**.

Я обязательно вернусь и расскажу о том, что видел. Должно быть, это очень важно, раз мы не приходим **СЮДА** с крыльями. Просто перед тем, как мы появляемся **ЗДЕСЬ**, **ОНИ** забирают у нас крылья. А когда мы оказываемся готовы узнать то важное, чего отсюда, снизу, не видно, крылья вновь появляются у нас за спиной. Нам дарят их – иногда даже не подозревая об этом – самые дорогие люди. Ведь мы встречаемся с ними совсем **НЕСЛУЧАЙНО**.

СЛУЧАЙНОСТЕЙ НЕ БЫВАЕТ.

Глава первая: Яков

На лестнице было темно и привычно пахло извёсткой. Яков неспешно поднимался, ощущая подошвами знакомые выбоины ступеней.

Обычно на колокольне гулял ветер – подвывал, путаясь в юбках больших колоколов, и озорно посвистывал в переплетении тяг, но под утро почти всегда было тихо. Вот и сейчас Якову предстояло нарушить эту заповедную тишину. Он огляделся: молодой месяц освещал монастырское подворье и белеющую за ним заснеженную ширь с темнеющей каймой леса.

Яков перекрестился, нацепил звуконепроницаемые наушники и, ухватив верёвку, стал раскачивать полиелейный колокол. Совсем недавно язык этого колокола был перевешен на новый кожаный ремень и Яков не слышал, но знал, как он сейчас отчётливо и вкусно хрустит в сонной пока ещё тишине.

Первый удар – глухой и осторожный – в ближнюю кромку колокола и затем, враскачку, во всю ширь, но – мягко, чтобы на морозе – не приведи Господь! – не расколоть. Вровень с первым ударом Яков шептал, не слыша собственного голоса: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...». Могучий торжественный бас колокола густыми волнами расходился

окрест, наполняя холодную пустоту уходящей ночи как сироп воду. Звёзды почти уже погасли, оставляя на небе позолоченную ладью месяца.

«...тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов», – Яков дочитал псалом, позволил языку последний раз лизнуть обод и чуть придержал верёвку, чтобы избежать неполного и ненужного уже удара. Оставив верёвку, он сорвал наушники и стоял в клубах пара от собственного дыхания, жадно впитывая затихающее «бу-у-у» колокола.

Простояв в забытии несколько минут и дождавшись, пока окрестности опять не накроет тишина, Яков поправил съехавшую набекрень камилавку, подвязал верёвку колокола к перильцам помоста и стал спускаться со звонницы.

...После Утрени был завтрак и потом уже каждый в монастыре занимался своим делом. Яков был звонарём, поэтому все его дела так или иначе вертелись вокруг звонницы, но если он не был занят, то всегда помогал кому-нибудь из братии.

Возле трапезной к Якову подошёл совсем ещё молодой послушник Федор и объяснил, что им вдвоём выпало привезти несколько мешков с цементом из близлежащего дома отдыха, оставшихся у них после ремонта.

Пока Федор – парень из деревенских – не торопясь, запрягал монастырского старожила конягу Мохнатого, Яков сходил к ключарю, взял у него деньги, выделенные для покупки

цемента, и выяснил, кого спросить в пансионате.

Ехали молча. Федор правил, а Яков сидел позади саней и смотрел в обратную сторону. В синем небе, словно свечи, зажжённые солнцем, плавилась золотые купола.

За семь лет, проведённых в монастыре, время для Якова словно остановилось. Даже то, что земля то зеленела, то покрывалась снегом, значения не имело: время прочно стояло на месте. Оно приходило в движение, лишь когда Яков принимался звонить в свои колокола, словно толкая его.

Весёлый скрип полозьев саней, наполняющий тонкой струйкой морозный воздух, тоже слегка сдвинул время, и оно медленно потекло, путаясь под ногами Мохнатого.

Давным-давно, когда Якова ещё звали Сергеем, время летело стремительно. С пяти лет касаясь пальцами клавиш рояля, он двигал время, азартно раскручивая его тяжёлый маховик, и даже не замечал этой тяжести. Он привык, что на него смотрят с восторгом и благоговейно слушают звуки, которые он извлекал из инструмента. Ему это нравилось и, даже играя один, разучивая произведение за произведением, он предвкушал, как будет затем играть для домашних, для гостей, для преподавателей в музыкальной школе и был счастлив.

Жизнь давалась ему легко, и даже если в школе он не ладил с каким-либо предметом – с той же математикой, – преподаватели предпочитали закрывать на это глаза, полагая,

что с такими талантами она мальчику ни к чему.

Якова холили и лелеяли, называли не иначе как Серёженькой, и он уверенно продолжал двигать своё время вперёд, по прямой, натянутой как струна дороге – в светлое, принадлежавшее ему по праву будущее, безоблачное и счастливое. Рояль стал машиной времени, нёсшей его в это самое будущее. Имея бесспорный яркий талант, Яков любил музыку, каждый раз открывая в произведениях знаменитых композиторов что-то новое, заставляющее инструмент говорить словно совсем на другом языке. Он увлеченно разучивал сложнейшие и поначалу кажущиеся невозможными по исполнению миниатюры Бартока, для которых были безнадежно коротки пальцы на его руках, да и самих пальцев будто бы не хватало. Но он справлялся и с этим, ставя в тупик своими способностями выдавших виды преподавателей.

Обучение в консерватории пролетело одним лёгким и счастливым мигом, будущее имело строго размеченные очертания, располагаясь, словно ноты на линейке нотного стана. Нужно было только сесть за волшебный рояль времени и начать играть.

Но однажды время перестало слушаться Якова, когда он, возвращаясь по весеннему гололёду домой, упал и сломал руку, серьёзно повредив кисть и предплечье.

Этого удара не ждал никто – и меньше всех сам Яков. ПИАНИСТ-ВИРТУОЗ остался в прошлом, и в светлом будущем, размеченном надолго вперёд, ему уже не было места. Понача-

лу, глядя на гипс, он ещё не верил в это, надеясь, что всё обойдётся. После снятия гипса он разминал застывшую руку, нетерпеливо садясь за инструмент. Но даже после того, как от травмы не осталось и следа, и обычный человек, далёкий от фортепиано, с удовлетворением признал бы себя полностью здоровым, Яков понял, что рука словно стала чужой. Когда он в очередном порыве принимался за более сложную партию, то с ужасом чувствовал, что рука его не слушается. Это было как в кошмарном тяжком сне, когда нужно бежать, но не можешь двинуться с места, делая всё медленно, как в воде на большой глубине. Кошмар стал явью. Яков прерывал игру и бессильно рыдал перед рядом чёрно-белых клавиш, ещё совсем недавно бывших для него открытой дорогой, а теперь превратившихся в безжалостный запрещающий шлагбаум.

Специальные упражнения и массаж несколько не помогали, и спустя год Яков смирился. Нужно было как-то устраиваться в этой жизни, но он никак не мог выбрать что-нибудь подходящее. Два года он проработал настройщиком. Потом один знакомый помог ему устроиться тапёром в дорогой ресторан.

Первое время здесь ему было очень тяжело. Он никак не мог привыкнуть, что люди в зале жуют и разговаривают, почти не обращая на его игру никакого внимания. Пытаясь заглушить боль в душе, он пристрастился к вину, стал замкнутым и угрюмым. В довершение бед от него ушла любимая

женщина, пережившая вместе с ним его катастрофу, но не вынесшая внутренних изменений, произошедших с ним после пьянства. Кое-как он справился и с этим, чудом удержавшись на краю и не спившись.

Он жил одиночкой, отдалившись от родителей и прежних друзей. Его удержала на плаву любовь к музыке. Он даже научился получать удовольствие от игры в ресторане и стал своего рода местной знаменитостью. Не претендуя больше на виртуозность, он играл то, что было ему под силу, и делал это вдохновенно, заставляя подчас людей за столиками плакать и устраивать ему настоящую овацию. Так прошло несколько лет, пока однажды вечером добрую половину ресторана не заняла для проведения некоего торжества какая-то многочисленная, но весьма чинная компания. Они собрались обстоятельно отметить чьи-то выдающиеся успехи. Яков давно не следил за околomuзыкальной жизнью, но ему сразу стало всё ясно, лишь только он увидел виновника готовившегося торжества. Они учились вместе в консерватории и были не то что друзьями, но добрыми приятелями, и постоянно по-хорошему соперничали друг с другом.

У Якова всё перевернулось в душе. В нём проснулась дремавшая глубоко внутри боль от потери его, одному ему принадлежавшего будущего. Волна жестокой обиды захлестнула его. Не говоря ни слова, он встал из-за инструмента и, стараясь никому не попадаться на глаза, ушёл домой.

Он сорвался, оказавшись на несколько дней в глубоком

запое.

Безумно влюблённая в него официантка – ему, впрочем, глубоко безразличная – была всё время рядом, не давая Якову сделать последний шаг. Из этих дней он не помнил ничего, кроме её, лишённого косметики заплаканного лица и нереально близкого паркета на полу. Ему, похоже, было всё равно – уйти или остаться. Это же равнодушие засело в нём после выхода из запоя: будто ничего не замечая, он шёл на работу, тупо лупил по клавишам, не слыша раздававшихся звуков; когда говорили, что достаточно, плёлся домой. Весь день до самого вечера он либо бездумно сидел у телевизора, либо спал, и если официантка забывала завести будильник, на работу мог или опоздать, или вовсе не выйти. Так продолжалось почти месяц, и другого давно выгнали бы, но за Якова в ресторане держались, и руководство, поразмыслив, отправило его в отпуск, снабдив – «за счёт заведения» – путёвкой в шикарный загородный дом отдыха: пусть, мол, развеется, подышит свежим воздухом. Безразличный ко всему, Яков оказался в пансионате – современном комплексе со всеми удобствами, с рекой в двух шагах и видом на древний монастырь. Поначалу он не покидал своего номера, не ведя счёт времени и часто пропуская то завтрак, то обед с ужином, то всё подряд. Потом, подчиняясь возникшему желанию, он стал по долгу бродить по округе. Места там были удивительно красивые и тихие. Чистая холодная речка, напоенная подземными ключами, заливной луг, дремучий бор с авангардом ко-

рабельных сосен на пригорке. Яков как зачарованный впитывал в себя эту удивительную красоту и лишь перезвон колоколов с монастырской звонницы напоминал ему о течении времени. Он смотрел на купола храмов за белыми монастырскими стенами и чувствовал, что внутри у него что-то меняется.

Яков вернулся домой, но в первый же день, выйдя на работу и увидев рояль, он понял, что никогда больше не сможет подойти к этому инструменту и тем более играть на нём. Это не было ненавистью, но что это было, Яков понять не мог. Он не испытывал к прежнему своему занятию ни отвращения, ни боли, ни раздражения. Ему просто совсем не хотелось извлекать из недр этого чёрного существа звуки, ещё совсем недавно казавшиеся самыми главными в его жизни.

В тот же день, так и не прикоснувшись к клавишам, он ушёл из ресторана, оставив руководство в недоумении и ярости, и даже не пытаясь получить что-то из причитающихся ему денег.

Несколько недель он сидел дома, изредка выходя за продуктами, и прожигая остатки сбережений. Влюблённая официантка не могла добиться от него ни слова, тихо ревела по ночам и, наконец, ушла. Он этого даже не заметил.

Когда кончились деньги, Яков по случаю устроился дворником и продолжал жить так же, как и до этого, лишь убирая рано утром двор, а всё остальное время находясь дома.

Навестившая Якова мать, столкнувшись с ним у подъез-

да, не узнала его, а когда поняла, что человек в ватнике и с метлой в руках – её сын, упала в обморок. Он изменился не только внешне, он словно стал другим человеком, если вообще оставался им – он стал чужим для всех и для себя в том числе. Родственники пытались освидетельствовать его на предмет психического здоровья, но он в грубой форме сказал всё, что думает об этом, они оскорбились и оставили его в покое.

Так он прожил, а вернее, просуществовал год, пока однажды ему не приснился сон.

Во сне он долго шёл по глухому угрюмому лесу, пока не оказался на залитой солнцем опушке, а перед ним на холме светились золотом знакомые купола храма за белыми монастырскими стенами. Яков залюбовался открывшимся зрелищем, как вдруг из-за стен поднялась огромная стая чёрных как сажа ворон и принялась кружить над куполами. Якову это не понравилось, он повернулся, чтобы уйти снова в лес, но тут ударил колокол на звоннице, словно требуя остановиться. Он застыл на месте, слушая суровый яростный набат, а вороны тем временем перестали быть воронами, и в небе теперь кружились сорванные с веток красные осенние листья. Яков огляделся, чтобы понять, не горит ли чего-нибудь поблизости, заставляя неведомого звонаря созывать народ на борьбу со стихией, как вдруг почувствовал спиной жар. Оглянувшись, Яков увидел, что прямо за его спиной пылает чащоба, из которой он вышел. Спина взмокла от по-

та, а слух продолжал терзать тревожный набат...

Яков проснулся. На дворе стояла ночь, в комнате было жарко и душно из-за захлопнувшейся от сквозняка форточки, а колокол продолжал звонить. И тут только Яков догадался, что это надрывается телефон. Он удивился – ему вот уже несколько месяцев никто не звонил. Он поднялся, подошёл к телефону и нехотя взял трубку, но услышал только короткие гудки – кто-то, не дождавшись ответа, дал отбой. Больше телефон не звонил, а Яков вспоминал свои яркие ощущения во время своего пребывания в пансионате, вернее, не в нём самом – дом отдыха был ему безразличен и даже скучен, – а в его замечательных окрестностях. Он снова увидел корабельные сосны, блеск реки, золотые купола и вдруг ясно понял, что там, именно в том самом месте он хотел бы очутиться немедленно, не теряя ни минуты, ибо почувствовал, что это единственное место на всей земле, где его сердце ощущает непонятную, давно забытую радость.

Так он попал в монастырь. И всё, что у него осталось здесь от прошлой жизни, была сумка с инструментом, с которой он работал настройщиком. Зачем он взял её с собой, он так и не смог себе объяснить и даже не помнил, как это произошло.

До пострижения в рясу он выполнял целый ряд послушаний – трудился на кухне, помогал в мастерских, работал маляром. Осмотревшись и попривыкнув, Яков набрался смелости (потому что боялся получить отказ), подошёл к игумену монастыря и попросился на звонницу.

– Звонарём хочешь стать? – спросил настоятель.

– Хочу, – ответил Яков.

– А почему?

– Не знаю... Душа зовёт.

Такой ответ, как ни странно, понравился владыке. Яков получил благословение и стал помощником монастырского звонаря, брата Никодима.

Никодим был седым долговязым стариком, оглохшим за долгое свое звонарство, но так ни разу и не надевший звукозащитные наушники («Ну их, срам этот. Что же я, от гласа небесного уши затыкать буду?»). У него было два помощника, но он их не жаловал, полагая, что нет у них к этому «расположения», искры Божьей.

Во время пасхальной седмицы, когда на звонницу по обычаю допускались все желающие из мирян – и были это, в основном, мальчишки из города да соседних деревень, – Никодим, со вздохами перевязывая расстроенные после этого колокольные снасти, ворчал:

– Мелодию им подавай... Где ж тут музыка? Нету! Звон – это звон. Сердце, ведь, тоже стучит – так и тут. Это сердцебиение, а не музыка...

Яков, слушая слова Никодима и – самое главное – его звоны, соглашался. К музыке колокольный звон не имел никакого отношения, хотя поначалу Якову это казалось странным. Но, помогая Никодиму, он стал постепенно чувствовать этот особый, ни на что не похожий ритм, когда мелодии нет, а ко-

локол звучал так, словно разговаривал или пел – даже если это был не весёлый трезвон, а только перезвон или просто удары в большой благовестник, сзывающий на Утреню или отбивающий церковные Часы.

Сначала Яков бил в большие колокола, раскачивая их тяжёлые языки и быстро уставая с непривычки. Однажды Никодим позволил ему совершить трезвон и Яков, переусердствовав, расколол один из средних колоколов. Никодим только молча покачал головой, а Яков весь трясся и был даже не в состоянии помочь, когда несколько монахов из братии снимали отзвонивший своё колокол со звонницы. Его положили у мастерских на заднем дворе, и Яков приходил туда, гладил покалеченный колокол, нащупывая дрожащими пальцами тонкую трещину, и плакал, как над умершим человеком. Однажды Якова нашёл там Никодим, тихо подошёл сзади и положил руку ему на плечо. Все монахи в монастыре обращались друг к другу не иначе как «брат», но Никодим в тот раз изменил правилу:

– Ничего, сынок. Я тоже как-то колокол убил. Было дело...

Из прежних помощников Никодима никто не разбивал колоколов, но Якову он это простил, почувствовав в нём настоящего звонаря.

Время шло и Яков постигал звонарские премудрости, окунаясь в эту науку с головой, отдаваясь весь, без остатка, ловя каждое слово своего учителя. Старик Никодим был зво-

нарём от Бога. Не каждому это было дано. На иной звоннице и колокола бывали подобраны хорошо, а звонарь оказывался никакой, колотил в них без смысла, без чувства. Никодим такой звон слышать не мог, мучаясь физически. Довелось ему побывать на звоннице в Лавре, в Сергиевом Посаде и звонить там, так что до сих пор вспоминал он голос знаменитого посадского Лебеда. На его монастырской звоннице тоже был неплохой подбор колоколов, чем Никодим очень гордился, зная голос каждого колокола, включая самые малые, подзвонные.

Теперь они – Яков и Никодим – всегда звонили вдвоём: либо по очереди, либо вместе, разнося по округе то строгое напоминание о посте и умеренности во всём, то радостный и торжественный благовест. Яков любил смотреть с высоты колокольни вокруг, здороваясь взглядом с корабельными соснами вдали, с зигзагом реки, усыпанным солнечными искрами, с деревенькой, озорно выглядывающей из-за перелеска, и чувствовал себя дома.

Как-то весной, уже после Пасхи, они с Никодимом поднялись на колокольню и ждали начала Вечерни, прислушиваясь, когда снизу раздастся сигнал специального небольшого колокола. Обычно Никодим сразу начинал творить молитву, обратясь в сторону купола храма, а тут вдруг встал, тяжело опершись о перила, и молча смотрел на сочный зелёный ковёр, устилающий поля. Яков почувствовал недоброе и тронул его за плечо:

– Что с тобой, Никодим?

Увидев бледное лицо старика, Яков испугался.

– Скоро уже, – непривычно тихо ответил глуховатый Никодим и потёр большой мозолистой ладонью грудь. – Зовёт меня мой колокольчик.

– Я за врачом сбегаю, – рванулся было к лестнице Яков, но Никодим удержал его, прихватив за рукав.

– Вот мои врачи, – кивнул он на колокола и пристально посмотрел в глаза Якову. – Да и времени уже нет.

Снизу тренькнул ясак. Никодим его не услышал, но понял это, увидев, как Яков метнул быстрый взгляд вниз.

– Звони, – еле слышно, но твёрдо велел старик и медленно опустился прямо на пол, ощущая в ногах слабость и дрожь. Яков растерянно смотрел на его белое лицо, но послушаться не посмел, и ударил по натянутым струнам колокольных тяг. Он звонил, увлекаясь всё больше и больше, не умея делать это бездумно, как что-то второстепенное и, оборачиваясь время от времени на сидящего в углу старого звонаря, видел его слабую улыбку. Забыв на этот раз нацепить большие чёрные наушники, над которыми Никодим всё время подшучивал, Яков сыпал вокруг радостный трезвон и испуг в его душе уступал место надежде на то, что с Никодимом всё обойдётся. Он оборачивался всё реже, ловя одобрительную улыбку учителя, и уже верил, что всё будет хорошо.

Когда Яков закончил звонить, Никодим уже не дышал.

С тех пор прошло два года, и теперь уже Якову помогал

один из прежних помощников Никодима и ещё один новичок, и время начинало идти, когда на монастырской звоннице принимались говорить колокола.

Глава вторая: Роман

Услышав сигнал будильника, Роман открыл глаза и сел в постели. Нужно было собираться на завтрак.

Он вволю наплескался под душем и как всегда, тщательно побрился. Вытираясь полотенцем, он вышел из ванной и подошёл к окну. Мир пребывал в состоянии перехода из мрака ночи в сияние дня, и день этот по ясному небу обещал быть солнечным.

В почти безлюдном зале ресторана Лемеха не оказалось, поэтому Роман плотно позавтракал в одиночестве. Словоохотливый официант сообщил, как вчера «наши продули испанцам», а безразличный к футболу Роман поинтересовался подробностями, с озабоченным видом качая головой.

Вернувшись в номер, он устроился за письменным столом у окна и открыл ноутбук. Прочитав поступившую почту, он уточнил кое-какие сроки у издательства, подтвердил название повести, которая стояла в очереди, послал Светке искромётный игривый привет и занялся, наконец, делом. По плану, сегодня предстояло написать никак не меньше десяти страниц.

Посмотрев на голубое небо над монастырём, Роман застучал по клавишам.

Когда-то он работал программистом, устроившись по хо-

рошему знакомству в одну небольшую частную фирму, занимавшуюся оптовыми поставками различного компьютерного «железа». Программистом, правда, Роман лишь числился: по специальности ему пришлось поработать всего один раз – он написал небольшую узкопрофильную программу. В основном же он помогал с оформлением и комплектацией заказов. Ещё время от времени он собирал компьютеры для «своих», делая это с гораздо бóльшим удовольствием, нежели всё остальное. Ну и, конечно, как всякий нормальный программист, в свободное время резался в «Doom» и симулятор «Формулы-1».

Как-то раз Романа вызвал к себе шеф, хотя слово «вызвал» совсем не подходило к их простецким отношениям друг к другу – ведь именно шеф и взял его к себе, поскольку приходился Роману родным дядей. (Это были времена, когда все устраивались на работу исключительно по знакомству, а в стране вовсю буйствовала молодая российская демократия с нечеловеческим лицом.) Когда Роман явился, шеф, не отрываясь от компьютера, попросил племянника помочь в одном деле и кратко поведал следующее. Старинный друг шефа, с которым они «когда-то вместе начинали», и который теперь работал редактором в одном популярном компьютерном журнале, подкидывал ему иногда работу, заключавшуюся в написании всевозможных статей про компьютерную начинку, программы, и «вообще что-нибудь на эту тему». Такая работа шефа никогда не тяготила, приходясь, напро-

тив, по душе и выполняемая уж никак не ради не слишком больших гонораров – с деньгами у шефа было всё в порядке.

Вот и теперь друг просил о короткой статье – обзоре новейших винчестеров, но как раз сейчас шеф был сильно занят, поэтому решил поручить это племяннику, если у того, конечно, есть желание. Роман был не слишком занят (если не считать прохождение очередного уровня в компьютерной стрелялке), и охотно согласился, поскольку по долгу службы был «в теме».

Статья получилась, как ни странно, не скучной. Роман умудрился ввернуть в неё пару-тройку шуток, оказавшихся весьма уместными, хотя речь шла, казалось бы, о вещах серьёзных и далёких от юмора. В целом обзор вышел толковым, к тому же понятным не только специалистам, но и людям, общавшимся с компьютером на «вы».

Шеф, прочитав статью, удивился, растерянно поблагодарил племянника, и послал сей труд своему другу в редакцию.

Через пару дней этот друг позвонил самому Роману и сообщил, что его обзор пойдёт в ближайшем номере журнала. Ещё он расспросил Романа о его житье и увлечениях, и затем попросил об очередном материале для начинающих пользователей – по каким критериям следует подбирать персональный компьютер, намекнув при этом, что в случае, если статья снова придётся «ко двору», ему могут и дальше подкидывать подобные заказы. Если, конечно, Роман не против. Он согласился, порадовавшись, что его талант оценили. Нужная ста-

тья была готова в тот же день. На этот раз друг шефа, ознакомившись с материалом, без обиняков предложил Роману вести в их журнале рубрику, где давался обзор новых компьютерных игр. Роман согласился.

Теперь он заезжал в редакцию, где сдавал написанное и получал диски с очередными играми, поскольку играть в них стало теперь его обязанностью. Совмещать обе работы было Роману легко, и одно другому нисколько не мешало, а дядя был искренне рад за племянника.

Время шло. Роман продолжал помогать дяде, а в свободное от работы время и дома по вечерам отстреливал из всех видов оружия жутких монстров, вникал в стратегические хитрости очередной цивилизации, и пилотировал бомбардировщики и спортивные болиды. Незаметно пролетело полтора года, как вдруг грянул дефолт, журнал канул в небытие, и виртуальная жизнь Романа прекратилась. Фирма дяди выжила, здорово пострадав материально. Половину сотрудников пришлось сократить, но племянника дядя не тронул. Теперь свободного времени на работе у Романа не было совсем, он крутился как белка в колесе, совмещая несколько обязанностей сразу – уже в полном объёме, а не так, как прежде.

Когда кризис понемногу отступил и Роман привык к новому ритму жизни, он стал чаще вспоминать о своей работе в журнале.

Ещё когда он знакомился с компьютерными играми, он отмечал, что сюжет некоторых из них весьма неплох и его

можно было развить, отчего могла получиться хорошая история сама по себе, способная превратиться в увлекательное чтение. Разработчики игр, если только сюжет не был построен на каком-либо фильме или западном кретиническом комиксе, дальше, естественно, не шли, поскольку не занимались литературой, да и игре это было по большому счёту ни к чему. Роман же любил читать фантастику и уважал стиль фэнтези, поэтому сюжетные линии многих игр сами собой развивались у него в голове, богатой воображением, выходя далеко за рамки игрового пространства. Один из таких сюжетов, имея в своей основе небольшое зёрнышко из подобной «игрушечной истории», пророс у него в голове, пустил корни и вымахал в нечто, как ему самому казалось, весьма ветвистое и интересное. Однажды вечером, вернувшись с работы, Роман решил эту историю из своей головы перенести на бумагу.

Повесть на сто пятьдесят машинописных страниц была готова через месяц.

Поскольку экономика страны потихоньку оправилась после удара и принялась вовсю навёрстывать упущенное, стали появляться новые фирмы, журналы и всё остальное в том же духе. Роман послал свою повесть одновременно в несколько журналов.

Увлёкшись сочинительством, он, ожидая результата, принялся писать дальше. Через три месяца было готово целых пять рассказов – три коротких и два подлиннее. Это были

традиционные фантастические вещи, в каждой из которых крылась оригинальная идея, и составляющая суть рассказа. Но Романа тянуло к более лёгкому жанру – фэнтези. Лавры Толкиена не волновали его, просто ему было интересно выдумывать сюжет, оживлять персонажи, изобретать хитро-сплетения судеб. Всё это давалось ему легко, писал он быстро, практически сразу набело. Рассказы он послал по тем же адресам, что и первую повесть, и взялся за новую, бойко стуча вечерами по клавишам домашнего компьютера.

Через полгода после отправки первого произведения, он получил по электронной почте сообщение из одного журнала о том, что повесть принята редакцией и скоро будет напечатана в таком-то номере, и ему предлагалось ознакомиться с отредактированным текстом (без права, впрочем, изменить что-либо), и получить после публикации причитающиеся деньги – совсем не такие большие. Но Роман писал вовсе не ради денег, просто утоляя свой интерес к этому новому увлекательному делу.

Через год он уже имел на своём счету три публикации. Тогда же он и придумал себе несколько заносчивый, и даже кричащий псевдоним, и дальше печатался уже как Норд Ветров.

Его заметили и охотно печатали уже два журнала, пока однажды одно из издательств, специализирующееся как раз на жанре фэнтези, не предложило ему работать на них.

Роману удалось, «продавая себя», не продешевить и за-

ключить с издательством неплохой контракт. Теперь его книги, пусть и в мягком, «карманном» переплёте, появились на уличных лотках и в книжных магазинах.

Поскольку контракт подразумевал работу по согласованному с издательством плану, и ежедневно нужно было писать определённое количество страниц, чтобы уложиться в сроки, Роману пришлось уйти из дядиной фирмы. Они расстались очень тепло, закатив напоследок небольшой банкет «в честь рождения в недрах славной конторы недюжинного литературного таланта». Так он стал *человеком, пишущим за деньги*.

Роман выдумывал историю за историей, удивляясь, откуда это у него берётся: раньше он этой способности за собой как-то не замечал. Истории эти, конечно, были по большому счёту далеки от истинной литературы; оригинальность свою они потеряли уже после десятой повести, когда творчество уступило место производству. Но тиражи этого читального попкорна росли, гонорары Романа тоже увеличивались, и гонка продолжалась. Издательство заключило с ним очередной контракт, и им же теперь принадлежал псевдоним Норд Ветров, но Роман был не против. Он по-прежнему легко писал то, что теперь требовали его редакторы, даже названия новых повестей придумывались не им, вернее, он не мог настаивать на своём, хотя, в общем-то, и не пытался этого делать. Подобная жизнь его вполне устраивала.

У него появились деньги. Будучи человеком весёлым и об-

щительным, Роман быстро оброс множеством знакомых, старательно набивавшихся к нему в друзья. Его это нисколько не тяготило. У женщин он и раньше пользовался популярностью, а сейчас иногда просто уставал от их натиска. Он привык относиться к жизни легко и не придавал этому большого значения. О женитьбе и создании семьи он вообще не думал, живя так, как ему жилось: без напряжения сочинял повесть за повестью, бойко стуча по клавишам ноутбука, весело оттягивался в многочисленных компаниях, легко меняя подружек, и никогда никому из них ничего не обещая. Врагов и обычных завистников у него тоже хватало, но вреда они ему не причиняли, а он их даже не замечал, хотя они часто мелькали вокруг, умело улыбаясь или делая вид, что безразличны ко всему.

В редкие часы, когда он ни с кем не общался и не щёлкал клавишами, он, будто вываливаясь из какой-то дрёмы, осознавал, что его занятие – не более чем способ заработать на жизнь. Он знал, что талантлив и способен на большее, но развивать в себе это ему было лень. Он почти перестал читать – даже любимую фантастику.

Но как-то раз, рассеянно слушая телевизор, постоянно включенный на кухне, он наткнулся на передачу, в которой упомянули один из известных библейских сюжетов. В самой передаче ничего особенного не было, да и об этой истории Роман слышал и раньше, но тут он оторвался от приготовления еды, уловив какую-то неувязку. И неувязка эта была

не в передаче, а в этом библейском сюжете. У него было такое ощущение, словно среди обычного городского пейзажа, виденного много раз, блеснуло, отразив солнце, стекло окна, которое кто-то открыл, преобразив на мгновение всю скучную картину. Этот яркий луч ударил по глазам, достав до самого сердца, оставив в душе неуловимое ощущение чего-то нового. Роман задумался и вдруг понял: этот эпизод в Библии все толковали однобоко, но стоило лишь чуть-чуть посмотреть на это по-другому, как всё менялось. Смысл истории при этом оставался прежним, но приобретал ещё большую глубину и какой-то, совсем уже нечеловеческий трагизм. Вслед за осознанием этого, Роман удивился, как такая очевидная вещь не была замечена другими.

Вернувшись к своей обычной деятельности, Роман не перестал раздумывать на эту тему. Та история не отпускала его. Он купил Библию и внимательно прочитал нужное место, ещё больше укрепившись в мнении, что люди просто не обращают внимания на эту удивительную метаморфозу, которая открылась ему.

Роман настолько увлёкся этой идеей, что прочитал всю Библию целиком. Он не был верующим, являясь неsgiбаемым материалистом, всегда едко подшучивая на подобные темы, и после прочтения и Ветхого, и Нового Заветов остался при своём мнении. Но именно тот сюжет показался ему достойным того, чтобы изложить его в литературной форме. При этом Роман понимал, что собирается идти иным путём,

нежели Булгаков с его рукописью о Понтии Пилате.

Неутомимо выполняя свои обязанности в соответствии с контрактом, он продолжал размышлять о том, чтобы взяться за повествование на библейскую тему. Не отрываясь от работы, он стал потихоньку собирать необходимый материал: от подробного описания климата и природы в Палестине, до исторических документов и исследований, выуживая из них всё, что касалось быта и нравов людей, живших много сотен лет назад в тех местах. Он даже совместил полезное с приятным, побывав во время очередного отпуска в Израиле, и посмотрев на эту землю своими глазами.

Замысел зрел в нём, наливался силой, рос и ветвился, подобно дереву, но Роман не торопился браться за его воплощение, хотя время для этого он мог бы найти – всё-таки не так уж и загружен он был своей рутинной. У него уже был готов подробнейший план будущего романа, скрупулёзно выверенный, и даже имелись некоторые наброски. Но он всё тянул – сам не понимая почему. Он жил предвкушением настоящей, серьёзной работы и ему это предвкушение нравилось. Так он и тянул, продолжая жить размеренной жизнью, строча повесть за повестью по редакционному плану, веселился с друзьями и кутил с женщинами.

Темы для очередных карманных книг находились уже не так легко, как прежде. По совету редакторов, поднаторевших в этом деле, он стал писать приключенческий сериал – с одним и тем же главным героем, втравливая его каждый

раз в новую переделку. Таким образом, выигрывалось время для придумывания чего-то свежего. Роман понимал, что издательство выжимает из него всё, что можно, пока не иссякнет эта «золотая жила», пока его книги пользуются спросом. И если не потянет он сам, удовлетворяя этот спрос, издательство избавится от него, а под именем Норд Ветров будет работать целая бригада чернорабочих, так называемых «литературных негров», книггеров. Такие люди штамповали целые романы в рекордно короткие сроки, работая по чёткому плану и выдерживая единый заданный стиль повествования – таким же, по сути, образом, как создавался анимационный фильм с целой армией художников: фазовщиков и прорисовщиков.

Помня об этой угрозе, Роман подсознательно, не признаваясь в этом даже себе самому, оставлял работу над своим главным романом на «чёрный день».

А пока всё было в порядке, порох в арсенале для холостых выстрелов ещё имелся, и Роман без усталости бил по клавишам своего ноутбука всеми десятью пальцами, и радовался жизни.

Он жил один, не позволяя женщинам ограничивать свою свободу. Ему наконец-то удалось купить новую квартиру – небольшую, но весьма приличную и очень удобно спланированную, куда он и намеревался перебраться в ближайшем будущем. Старое жилище Романа настоятельно требовало самого капитального ремонта, там царил, предвеляя близкий

переезд, жуткий бардак, в котором даже ему самому, закоренелому холостяку, было уже неудобно. В новой квартире ещё шли последние отделочные работы, и Роман решил одним махом разделаться со всеми неудобствами, решив удрать на неделю-другую куда-нибудь на нейтральную территорию. О поселении у Светки не могло быть и речи – он не терпел таких плотных отношений со своими подругами, – поэтому, по совету одного хорошего приятеля, эстета и пижона, решил поселиться в пансионате на природе. По утверждению приятеля, место было сказочной красоты и сейчас не такое людное (зима – одни праздники миновали, до других пока не близко). Хоть Роман и не любил долго оставаться в одиночестве, всё же согласился. Он уладил срочные дела с издательством, решил остающиеся вопросы с ремонтными бригадами в обеих квартирах, быстро собрал вещи, и вот уже три дня жил в доме отдыха, находя особую прелесть в малочисленности постояльцев и тишине этих действительно красивых мест.

Глава третья: Николай

Перехватив поудобнее сползший с плеча ремень этюдника, Ефимов поднялся по ступеням парадного входа, над которым витиевато нависало: «пансионат „Приют пилигрима”» и толкнул дверь. В пустынном просторном холле, где в углу на диване кто-то сидел, уставившись в книгу, он сгрудил прямо на пол неуклюжий этюдник, кофр с аппаратурой и сумку со всякой одежной всячиной, и подошёл к стойке администратора, чтобы зарегистрироваться. Ему понравилось отсутствие назойливых коридорных служащих, норовящих схватить вещи и тащить куда угодно по первому требованию, а потом скромно, но неотвязно ожидающих mzды за свои услуги.

Ефимов попросил у девушки в форменной одежде за стойкой поселить его в номере с видом на монастырь, ответил на ряд скучных формальных вопросов, где-то расписался и, получив ключи, направился к оставленным вещам. Тут-то как раз и появился вялый парень, одетый, как и подобает коридорным, и молча подхватил кофр.

– Возьмите что-нибудь другое, – сердито сказал Ефимов, отбирая у парня кофр, и направился к лифту, злорадно слушая, как за спиной раздаётся пыхтение и стук острых углов этюдника по чужим коленям.

Едва очутившись в номере, Ефимов прошёл сразу к окну

и отдёрнул шторы. На холме в ответ блеснули купола монастыря. Ефимов довольно хмыкнул и только тогда осмотрелся.

Незаметно потирая ушибленное бедро, коридорный получил трудно доставшиеся чаевые и, наконец, исчез. Ефимов облегчённо вздохнул и занялся распаковкой вещей.

Всё началось с того, что в восьмом классе родители купили Ефимову фотоаппарат «Смена». Уже в девятом классе школьная стенгазета была немыслима без его фотографий. Если раньше лист ватмана, висящий на стене рядом с учительской, привлекал к себе только злых осенних мух, то с участием Ефимова каждый новый её выпуск становился маленьким событием.

На каждой перемене у стенгазеты с бесхитростным названием «Школьный звонок» толпился народ. Сначала, по праву старших, её тщательно исследовали долгоязыые старшеклассники, и уже после них толпа каждый раз становилась ниже ростом, останавливая своё падение на первоклашках. Когда звонок разгонял всех потенциальных читателей по классам, их место у стенгазеты занимали свободные от занятий учителя. Скучную официальную информацию, размещённую в левом верхнем углу, никто не читал (даже учителя), взгляды всех приковывались к снимкам.

Сбор металлолома: долгоязыый Костик по кличке Самосвал глубокомысленно разглядывает ржавый радиатор отопления, прикидывая, кому из одноклассников его доставка

окажется по плечу; мелюзга из четвёртого «Б» тащит, облепив, словно муравьи, какую-то чудовищную железную кровать с витыми блестящими прутьями на спинке (на которой, вероятно, зачали не одно поколение); на вершине «медной горы», ошестинившейся торчащими в разные стороны трубами и проволокой, стоит с победным видом физкультурник Виктор Дмитриевич в своём спортивном костюме и свистком на шее. Комсомольское собрание: грозный комсорг Алексей Спектор убедительно вещает что-то собравшимся, аккуратно подглядывая в бумажку; староста девятого «А» Светка Смагина, близоруко щурясь у карты мира, проводит короткую политинформацию о ситуации на Ближнем Востоке, тыча изящным пальчиком в район Амазонки; комсомолец-обормот Зацепа угрюмо смотрит в пол, не желая отчитываться о причинах своего отставания по всем предметам (кроме физкультуры); завуч Ирина Альбертовна гневно обличает ответственных за моральный облик Зацепы добродушных двойняшек Вову и Славу, потрясая гигантским деревянным транспортиром; грозный комсорг Спектор гомерически хохочет, откинувшись на спинку стула и неловко загораживаясь газетой «Правда» (снимок быстро исчезает со своего места и через перемену белый прямоугольник со следами клея героически закрывает открытка «Да здравствует Первое мая!»)

Вся бурная школьная жизнь во всём своём многообразии: приезд шефов, приём в пионеры, самодеятельный куколь-

ный театр для малышни и так далее, с неизменным коронным «последним кадром» в правом нижнем углу – самый весёлый снимок за неделю, традиционно наклеенный неровно. Все снимки Ефимов печатал в нескольких экземплярах, чтобы главные герои не портили газету, отдирая фотографии «на память».

До появления в стенгазете Ефимова, фотографий там не было совсем; лишь изредка унылая редколлегия во главе с очкариком Андрейкой изображала совместными усилиями нечто нелепое, привлекая к данному артефакту ещё больше мух. С приходом Ефимова из прежнего состава редколлегии остался один Андрейка, он-то и крапал по заданию Ирины Альбертовны листки с официальной информацией. Поначалу Ефимов ещё и рисовал (и довольно неплохо) и писал короткие статейки на тему школьной жизни, постепенно замещая всё это фотографиями собственного производства. Так стенгазета превратилась в одну большую еженедельную иллюстрацию. По сути, вся газета теперь держалась исключительно на Ефимове: он писал её название и самостоятельно придумывал остроумные подписи к своим снимкам.

После окончания школы все его друзья и одноклассники занялись подготовкой в институты, и только он один был далёк от этого. Ефимов не был отличником, но и отставаний по каким-либо предметам не имел, питая, впрочем, склонность к гуманитарным дисциплинам.

Его комната была превращена в фотолабораторию, а его

мастерской являлась улица. Ефимов не расставался со своей «Сменой» нигде и никогда, даже если всего лишь выходил из дома за хлебом. Отец ставил ему в упрёк «нежелание учиться, чтобы получить образование», на что Ефимов отвечал, что книги это те же учителя, а когда и где с ними встречаться – его личное дело. И в подтверждение своих слов он сидел в библиотеках и изучал химическую обработку фотоматериалов, свойства светофильтров и композицию.

Когда пришла пора «отдать священный долг Родине», Ефимов, не раздумывая, взял с собой в армию «Смену», которую украли в первый же месяц службы. Возня с устройством автомата, изучение повадок потенциального врага, и борьба за чистоту казармы и дисциплину в строю не давали времени ни на что другое, и поначалу Ефимов не слишком скучал по любимому занятию.

Однажды он проходил по территории части, в то время как поблизости группа офицеров во главе с командиром полка пыталась запечатлеть себя для истории, неумело орудуя новеньким фотоаппаратом. Ефимова окликнули и попросили «щёлкнуть» всю их компанию целиком. Лишь только почувствовав в руках камеру, он преобразился. В течение последующего получаса он уверенно командовал офицерами, говоря, где встать и в какую сторону смотреть, а те безропотно подчинялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.